

Советник Лю, видя, как лицо юноши от шока стало совсем ничего не выражающим, решил, что тот растроган его заботой. Довольно улыбнувшись, он произнес:

— Это я на днях попросил земляков собрать. Здесь образцовые экзаменационные работы победителей уездных, окружных и областных испытаний по всей Бэйчжили за последние годы. Каждая статья — настоящий шедевр, всё отобрано с особой тщательностью. Поучишь их назубок пару лет — и, за другое не ручаюсь, а звание туншэна тебе точно обеспечено.

«Зазубрить целую кучу книг ради того, чтобы стать всего лишь туншэном?.. Советник Лю пытается меня воодушевить или окончательно добить?»

Советник Лю велел слугам перенести книги в повозку юноши, а сам крепко сжал его руку и с чувством продолжил:

— Я знаю, ты из чиновничьей семьи, и тебе не обязательно идти через государственные экзамены, чтобы получить должность. Но покупка чина или назначение по теневой протекции — путь не совсем правильный. Вдобавок всё зависит от высокого положения твоего отца, да и выслуга ограничена: выше седьмого ранга всё равно не подняться. Лучше уж самому пробиться через две степени экзаменов... Вот как наш глава уезда — он честный цзюйжэнь, оттого и держится уверенно и с достоинством.

Эти слова были произнесены очень тихо, но в ушах Цуй Се они прозвучали подобно удару колокола, мигом развеяв страх перед горой книг.

На дворе стояла эпоха династии Мин — время, когда сословные границы между чиновниками, крестьянами, ремесленниками и купцами были незыблемы, а власть чиновничества казалась безграничной и неоспоримой.

Если он не сдает экзамены на цзюйжэня или цзиньши, то всю жизнь прослужит под пятой отца прежнего хозяина этого тела и даже под началом сводного брата, поступившего в Гоцзыцзянь, ведь выпускники Гоцзыцзяня тоже получают чины. Когда второй брат станет чиновником, а сам Цуй Се останется простым простолудином, о какой мести за погибшего прежнего Цуй Се может идти речь? Тогда вся его жизнь окажется в чужих руках.

И даже если он применит передовые знания из учебников по химии, чтобы сколотить состояние, это не поможет. В этот век свято чтили правило: «Пока живы родители, не смей копить личное добро». Госпожа Сюй — его мачеха, и, имея статус матери, она превратит его в денежное дерево. А когда он не сможет ублажать её жадность, его просто срубят или продадут.

Лишь став независимым, сделав так, чтобы никто не смел распоряжаться им, как вздумается, он сможет строить планы на будущее.

Он глубоко вздохнул, выбросил из головы лишние мысли и, подняв глаза на советника Лю, искренне поблагодарил:

— Премного благодарен вам за наставление, господин Лю. Я обязательно буду усердно учиться и не посрамлю ваших уроков.

Советник Лю с улыбкой кивнул и провожал его взглядом. Лишь когда повозка скрылась из виду, он погладил бородку и вполголоса пробормотал:

— Неужто молодой господин Цуй взялся за ум? С чего это после пары моих фраз он так резко преобразился? Исчезла прежняя ветреность, а ведь раньше от одного упоминания об учебе он

шарахался, будто его вести на убой собрались.

Слуги не поняли, о чем шепчет советник, и, подогнав лошадь, поинтересовались, не пора ли возвращаться в город.

Глядя на вытянутую морду коня, советник с досадой усмехнулся:

— Экая глупость! Он — сын чиновника пятого ранга, о его будущем есть кому позаботиться. Что толку мне забивать себе голову? Через два года — аттестация в Министерство чинов. Лучше вернусь да подумаю, как привести в порядок счетоводные книги и реестры, чтобы помочь господину получить высшую оценку!

Три ящика с книгами, подаренные советником Лю, загрузили в экипажи. Под тяжелым грузом две повозки жалобно заскрипели осями и потащились совсем медленно. Четверо путников не рисковали ехать в темноте, а потому рано останавливались на ночлег и выезжали спозаранку. Так, без спешки, они перебрались из Шуньтяньфу в Юнпинскую управу и лишь к утру третьего дня добрались до ворот старого поместья на севере Цяньаня.

Эту усадьбу в прежние годы Цуй Цюэ сдал в аренду сюцаю Вану, с которым вместе учился в уездном училище, под начальную школу. Однако в прошлом году уезд Цяньань и окрестные деревни сильно пострадали от наводнения. Дом и земли сюцая Вана ушли под воду, его родители погибли во время бедствия, поэтому он вернул усадьбу хозяевам и уехал в родную деревню отбывать траур.

Во время потопа усадьбу тоже затопило, а после она еще год пустовала, из-за чего выглядела довольно запустелой: на крыше ворот жуи не хватало множества черепиц, резные кирпичи под карнизом кое-где вывалились, а стены поросли мохом. Прежде покрытая красным лаком дверь облупилась, и на ней висел потертый медный замок, повешенный сюцаем перед отъездом.

Цуй Юань выбрался из повозки, достал ключ, отомкнул замок и попросил кучера Чжао, приехавшего из Тунчжоу, помочь ему снять дверной порог.

Скрип въезжающих экипажей привлекал внимание соседей: за закрытыми дверями домов неподалеку уже приоткрывались щели, откуда за ними любопытно наблюдали. Но в этот час дома оставались в основном женщины, а видя, что правящие повозками Цуй Юань и кучер Чжао — мужчины в самом соку, они не решались выйти и заговорить.

Две повозки одна за другой въехали в ворота, миновали второй двор и остановились у ступеней главного дома.

Цуй Юань первым спрыгнул на землю, отпер главные двери и велел Пэн Яню принести воды для уборки, чтобы приготовить место для отдыха молодого господина. Кучер Чжао отыскал во дворе деревянный брусок, подпер колесо и принялся сгружать вещи с малой повозки.

Ягодицы Цуй Се еще не вполне зажили после побоев, и он остерёгся делать резкие движения, чтобы не сорвать струпы. Держась за дверцу, он осторожно слез и первым делом обошел двор, присматриваясь.

В свое время старый господин Цуй не пожалел средств на перестройку этого дома: кирпичи и древесина были отменного качества, а в раствор для кладки даже добавляли клейкий отвар из риса. Хотя здание много лет терпело дожди и ветры, стены сохранились на удивление хорошо.

Главные ворота усадьбы располагались в юго-восточном углу; сразу при входе возвышалась экранирующая стена-иньби. За воротами тянулся ряд построек даоцзофан, а в западной части внешнего двора стояла каменная конюшня. Напротив стены-иньби находились резные ворота цуйхуамэнь, за которыми открывался главный двор. Сам двор имел вытянутую форму; дорожки из синего камня вели к главному дому и двум флигелям. В цветниках по обе стороны буйствовали сорняки и сухие ветки, а в северо-западном углу темнел багуа-колодец: вода в нем почти иссякла, а краев коснулся густой зеленый мох.

Усадьба представляла собой классический сыхэюань, но немного отличалась от пекинских: в центре главного дома располагался сквозной проход, через который проглядывал двухэтажный задний корпус хоучжаофан. Пристройки-эрфан по бокам сильно выдавались вперед, огибая половину двора в форме буквы «П». По четырем сторонам тянулись крытые галереи, покрытые краской цвета свиной крови; местами лак отслоился и потрескался, обнажая потемневшее дерево.

Сердце Цуй Се забилося чаще от нечаянного чувства полного счастья.

В этом дворе было не меньше пятисот-шестисот квадратных метров, свыше двадцати комнат, да еще и сад! В прошлой жизни он не смог бы позволить себе купить даже одну комнатуху здесь, а теперь такой огромный дом достался ему совершенно бесплатно! При этом Цуй Юань с сыном смотрели на него с таким сочувствием, будто он терпит страшные лишения.

Да о таких «лишениях» можно только мечтать каждый день!

В огромной усадьбе они будут жить втроем, он сам себе хозяин. Разве это не лучше, чем сидеть под замком в столичном доме, участвовать в семейных интригах и то и дело получать палками по мягкому месту?

Полюбовавшись двором, Цуй Се подошел к малой повозке, чтобы помочь кучеру и Цуй Юаню разгружать ящики. Однако все трое тут же бросились его останавливать:

— Молодой господин — человек ученый, вам не следует таскать такую тяжесть, поберегите руки!

Цуй Се уже засучил рукава, но, видя, что от его помощи отказываются, попытался спасти лицо:

— Тогда я поищу пару деревянных досок. По ним вы сможете спустить сундуки, это куда легче, чем тащить на руках. Всё равно в ящиках ничего ценного нет, если и упадут — не страшно.

В углу двора валялись доски и бамбуковые шесты от каких-то старых построек. Едва он взялся за пару досок, как подбежал Пэн Янь, перехватил их из рук и умоляюще попросил господина идти отдыхать в дом. Отец с сыном соорудили из досок наклонный спуск у задней части повозки. Сундуки с фарфором и ценной утварью они обвязали веревками, продели бамбуковый шест и попросили кучера Чжао помочь внести их в дом, а остальные просто аккуратно спустили по доскам, сэкономив немало сил.

Для Цуй Се работы не осталось, но он, как честный молодой человек, рожденный под красным знаменем и выросший в новом обществе, совершенно не привык сидеть сложа руки, пока другие трудятся. Поэтому он крутился рядом: подносил воду, подавал веревки — словом, помогал чем мог.

Кучер Чжао сделал несколько глотков из бурдюка с водой и с завистью молвил:

— А ваш молодой господин настоящий добряк, эвон как о слугах печется. Сколь по Бэйчжили ни ездил, все наниматели из людей жилы тянут, заставляют самые тяжелые сундуки на собственном горбу таскать, лишь бы лак не поцарапать. А уж чтоб хозяин сам слугам воду подавал — такого я отродясь не видывал.

Цуй Юань же растрогался до слез:

— Наш молоденький господин впитал учения мудрецов самой душой, он истинно милосерден...

Глядя на гнущего спину Пэн Яня, Цуй Се про себя вздохнул: «Жалеть надо твоего собственного сына — мальчишке всего тринадцать-четырнадцать лет, а он уже вкалывает на чужих людей... Эх, бесчеловечный феодальный строй!»

<http://bllate.org/book/18372/1761238>